

А. Ярмолинский

ЕСЕНИН В НЬЮ-ЙОРКЕ

В 1921 году вышла составленная мной в сотрудничестве с моей женой, Бабет Дейч, антология русской поэзии в английском переводе. Несколькими стихотворениями в ней был представлен и Сергей Есенин. Когда осенью следующего года я узнал из газет, что Есенин приехал в Нью-Йорк с Айседорой Дункан, я попросил издателя выслать ему экземпляр книги и написал об этом Есенину. В ответ я получил от него следующую записку:

*The Waldorf-Astoria
New York
1 ноября 1922*

Уваж. т. Ярмолинский

27 октября в Чикаго я получил Ваше письмо с пометкой от 3 окт. и совершенно не получил книги, которую должен был послать мне Ваш издатель. Очень хотел бы поговорить с Вами лично. Если можете, то позвоните завтра в 12 часов в отель ком. № 510.

С почтением к Вам и Вашей жене

С. Есенин

Если не ошибаюсь, в первый раз мы встретились в Публичной библиотеке (на Пятом авеню), где я заведовал славянским отделом. В разговоре, помнится, меня несколько озадачила «коммерческая жилка» поэта. Может быть, он решил, что так как имеет дело с американцем, хотя и новоиспеченным, то должен изобразить из себя делового человека. Как бы то ни было, Есенин предложил мне свои услуги по снабжению Публичной библиотеки советскими изданиями. В связи с этим он упомянул, что в Москве он торгует книгами и что у него там есть книгоиздательство. Позже я узнал, что у него действительно была книжная лавка и что он причастен к основанию при Всероссийском Союзе Поэтов книгоиздательства «Имажинисты», которое в 1920—1921 гг. выпустило несколько брошюр.

Удивил меня Есенин и своим предложением издать в Нью-Йорке сборник его стихов в моем переводе. Правда, у него не было на руках его книги, но это не помеха: он по памяти напишет выбранные им для включения в книжку стихи.

Я не принял всерьез это предложение. Но оказалось, что он действительно верил в возможность издания сборника. Через несколько дней я навестил его

в гостинице Валдорф-Астория, которая тогда помещалась на Пятом авеню, угол 34-й улицы. Есенин сидел в халате за круглым столом, на столе лежало большое надкушенное яблоко. Посещение мое длилось недолго. Раза два тяжеловесная фигура Айседоры промелькнула в глубине обширной комнаты. Когда я собрался уходить, Есенин небрежно сорвал с бювара лист запачканной кляксами промокающей бумаги, согнул его пополам и в эту импровизированную папку вложил тут же пачку листов бумаги. Затем на обложке написал карандашом: — Сергей — Essenin — Russia — Стихи и поэмы — Перевод Ярмолинского.

Рукопись — я ее сохранил — состоит из девятнадцати листов, исписанных карандашом. Почерк неказистый, разборчивый, буквы в словах отделены одна от другой. Имеется текст следующих стихотворений: «Исповедь хулигана», «Песнь о собаке», «Хулиган», «Закружилась листва золотая», «Корова», «В том краю, где желтая крапива», «Не жалею, не зову, не плачу», «Кобыльи корабли».

Я сравнил эти страницы с печатным текстом московского издания «Стихов и прозы» Есенина, вышедшего в 1926—1927 гг. и нашел, что Есенин воспроизвел свои стихи по памяти с поразительной верностью. Он только поспешил на запятые, кое-где точка, вопросительный или восклицательный знаки отсутствуют, да иногда хромает правописание: *рож*, *настеж*. В двух местах в «Исповеди хулигана» две короткие строки соединены в одну. В строке «О, сколько я на нем яиц из гнезд вороньих» — «из гнезд» опущено, что делает стих пятистопным, подобно следующей строке. «Как это? Русь моя! Кто ты? Кто?» («Кобыльи корабли») — «Кто это?» в рукописи опущено. Последняя строка этого стихотворения («Сыпь черемухой, солнце-куст») читается, как в трех ранних его изданиях, где стоит запятая после «черемухой», а не как в издании 1926—1927 гг. Впрочем, дальше составления рукописи Есенин не пошел. Передав ее мне, он, видимо, потерял интерес к своей затее, и мы больше не встречались.

Есенин объездил ряд городов в восточных и центральных штатах, сопровождая Айседору в ее турне. Иногда она его выводила на сцену и произносила экспромтом коротенькую речь, в которой он упоминался как «второй Пушкин». Если верить газетной заметке, на ее первом выступлении (7 октября в Карнеги-Холл в Нью-Йорке) Есенин был в высоких сапогах, русской рубашке, и шея его была обмотана длиннейшим шарфом. Но вряд ли роль «мужа своей жены» была по душе Есенину. К тому же во время поездки по Америке ему почти не с кем было обменяться словом. Как известно, с женой у него буквально не было общего языка. Это, может быть, тоже способствовало его злоупотреблению спиртными напитками.

В Нью-Йорке, думается, он чувствовал себя лучше. Тут у него было несколько русских друзей. Одним из них был Леонид Гребнев (псевдоним Леонида Файнберга), который одно время входил в состав группы имажинистов. В Америке он начал писать на идиш и стал видным еврейским литератором. Нашел Есенин и еще одного знакомого, русского эмигранта, приехавшего в Нью-Йорк из Шанхая в середине января 1923 года. Это был Вениамин Левин, пописывавший стихи журналист, вращавшийся в эсеровских кругах. Их познакомил Иванов-Разумник в Петрограде в 1917 году, и они были дружны в Москве в 1918—1920 годах.

Другой нью-йоркский приятель Есенина был беллетрист по фамилии Рындзюк, который в начале двадцатых годов написал, под псевдонимом А. Ветлугина, две-три книги, вышедшие в Берлине и Париже. Он состоял чем-то вроде переводчика при Айседоре, помогая ей объясняться с мужем.

Гребнев свел Есенина с еврейским поэтом Брагинским, тоже выходцем из России, который печатался под псевдонимом Мани-Лейб (он скончался в 1953 году в преклонном возрасте). Почитатель Есенина, Мани-Лейб перевел несколько его стихотворений на идиш. Несмотря на разницу лет (Брагинскому было под сорок), Есенин довольно близко сошелся с ним и его женой, которая тоже писала стихи.

Как-то раз они пригласили Есенина на вечеринку. Дело было в конце января. Обычно Есенин приезжал к ним один, но на этот раз он приехал в их скромную квартиру (на шестом этаже дома без лифта, в Бронксе) вместе с Айседорой в сопровождении Левина и Гребнева. Русский поэт и знаменитая танцовщица, конечно, немедленно стали центром внимания как хозяев, так и их многочисленных гостей. Спиртные напитки были тогда запрещены, но, как известно, незаконная торговля ими процветала. В тот вечер у Брагинских было много выпито, и чета Есениных в этом усердно участвовала.

До известной степени это был литературный вечер. Хозяин продекламировал свои переводы из Есенина, Левин прочел его «Товарищ», а сам Есенин — монолог Хлопуши из «Пугачева» и разговор Чекистова с Замарашкиным, которым открывается «Страна негодяев». Выбор этой сцены для чтения был крайне бестактен. «Я знаю, что ты еврей», — говорит Замарашкин своему собеседнику. Так в печатном тексте. Из воспоминаний Левина, напечатанных в газете «Новое Русское Слово» от 9—13 августа 1953 г., явствует, что в прочитанном отрывке фигурировало слово «жид». Легко представить себе впечатление, которое это произвело на публику, состоявшую сплошь из евреев. Левин рассказывает, что Есенин собственноручно написал для него прочитанный им на вечере диалог и что в 1929 году Левин «передал» два фотостата этой рукописи в нью-йоркскую публичную библиотеку, но что подлинник ее позже погиб. По-видимому, память изменила покойному Левину. Могу сказать с уверенностью, что снимки эти в библиотеку не поступали.

Вечеринка с Есениным закончилась скандалом, описанным в упомянутых воспоминаниях Левина. Некоторые подробности этого печального инцидента рассказали мне Леонид Файнберг и его жена.

После поэзии настала очередь хореографии. Уступая просьбам, Айседора согласилась танцевать. Для нее расчистили место, и один из гостей сел за рояль. Почему-то это привело в бешенство Есенина, который к тому времени сильно охмелел. Он бросился на Айседору с кулаками, пытался сорвать с нее платье, ругался матерно, поносил ее отборными словами, грозил убить. Все попытки унять его были тщетны. Наконец Айседоре удалось увести в другую комнату. Не видя ее и решив, что она уехала, Есенин выбежал из дому. Хозяин и несколько гостей бросились за ним и убедили его вернуться. Он вернулся, потом опять убежал, но его опять вернули. Есенин пытался выброситься из окна на лестничной пло-

шадке. Айседора дала понять окружающим, что он подвержен такого рода припадкам, и посоветовала смочить ему голову холодной водой. Когда это не помогло, по ее совету Есенина связали веревкой для сушки белья. Здесь разыгралась безобразная сцена. Есенин сопротивлялся, обзывал старавшихся его урезонить «проклятыми жидами», кричал, что пожалуется на них Троцкому, кричал: «Распинайте меня! Распинайте меня!» Левин, который уехал после того, как Есенин убежал из дому, рассказывает, со слов Брагинского, что, обруганный «жидом», Брагинский дал Есенину пощечину, а тот плюнул ему в лицо.

Кончилось все это тем, что Есенин все-таки уехал. По одной версии, его отвезли в гостиницу, по другой, несмотря на свое невменяемое состояние, он умудрился один нанять такси и благополучно добрался до отеля. Айседора предпочла остаться ночевать у Брагинских.

На другой день Брагинские навестили виновника скандала и восстановили с ним дружеские отношения. Есенин счел нужным также послать им письменное извинение. Оно без даты и написано на почтовой бумаге гостиницы «The Great Northern Hotel» на 56-й улице, в которую Дункан и Есенин перебрались из фешенебельного «Waldorf-Astoria». Письмо это до сих пор не было опубликовано. Я привожу его здесь в точной копии:

«Милый Милый Монилейб!

Вчера днем Вы заходили ко мне в отель, мы говорили о чем-то, но о чем я забыл потому что к вечеру со мной повторился припадок. Сегодня лежу разбитый морально и физически. Целую ночь около меня дежурила сест. милосердия. Был врач и вспрыснул морфий.

Дорогой мой Мони Лейб! Ради Бога простите меня и не думайте обо мне что я хотел что-нибудь сделать плохое или оскорбить кого-нибудь.

Поговорите с Ветлугиным, он Вам больше расскажет. Это у меня та самая болезнь которая была у Эдгара По, у Мюссе. Эдгар По в припадках разб. целые дома.

Что я могу сделать мой Милый Монилейб, дорогой мой Монилейб! Душа моя в этом невинна, а пробудившийся сегодня разум подвергает меня в горькие слезы, хороший мой Монилейб! Уговорите свою жену чтоб она не злилась на меня. Пусть постарается понять и простить. Я прошу у Вас хоть немного ко мне жалости.

Любящий Вас Всех

Ваш С. Есенин

Передайте Гребневу все лучшие чувства к нему. Все ведь мы поэты братья. Душа у нас одна но по-разному она бывает больна у каждого из нас. Не думайте, что я такой маленький что-бы мог кого-нибудь оскорбить. Как получите письмо передайте всем мою просьбу простить меня».

Что в письме речь идет об эпилепсии, это ясно так же, как и из воспоминаний Левина. Когда он наведаясь к Есенину через два дня после вечеринки, тот

ему объяснил, что дебоширство его закончилось припадком эпилепсии, которую он унаследовал от деда. В одном из его стихотворений, датированном 1923 годом, Есенин говорит о себе: «Одержимый тяжелой падучей». По-видимому, он считал По и Мюссе эпилептиками, хотя с этим и не вяжется замечание, что По в своих припадках «разбивал целые дома».

Есенин пробыл в Америке ровно четыре месяца, с 3 октября 1922 по 3 февраля 1923 года, когда вместе с Айседорой отплыл в Европу. 15 февраля в «Hôtel Crillon», где чета остановилась в Париже, он перебил зеркала и мебель в их номере. Во время этого буйства Айседора поспешила за доктором, но, вернувшись с ним в гостиницу, уже не застала Есенина: его арестовала полиция.

С помощью влиятельных друзей Айседоре удалось выручить Есенина, и через несколько дней он уехал через Германию в Россию.

Десятого декабря в Думе Печати в Москве состоялся товарищеский суд над Есениным, Клычковым, Орешиним и Ганиным по обвинению в «черносотенно-антисемитских выходках». Суд нашел, что обвиняемые, будучи в состоянии опьянения, учинили в пивной «антиобщественный дебош», который носил характер антисемитского выступления, и что они позволили себе антисемитские выходки также на улице и в милиции, ввиду чего суд объявил поэтам «общественное порицание». Московский корреспондент нью-йоркского «Таймса» в своей телеграмме об этом (связь Есенина с Айседорой Дункан сделала его похождения «сенсационными») сообщал, что один из свидетелей, вызванный защитой, «торжественно уверял суд, что американский самогон (bootleg whiskey) был причиной того патологического расстройства, которым страдал Есенин».

В «Стране негодяев» одно из действующих лиц, Рассветов, дает такой нелестный отзыв об Америке:

О! Эти американцы —
Они неуничтожимая моль.
Сегодня он оборванцем,
А завтра золотой король.
.....
Вся Америка жадная пасть...
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье...

«Страна негодяев» писалась в течение 1922—1923 годов.

Возможно, что мы имеем здесь дело с отголоском пребывания Есенина в Новом Свете. Он не преминул положить на бумагу свои американские впечатления, но сделал это в прозе, в фельетоне «Железный Миргород», напечатанном в московских «Известиях» (от 22 августа и 16 сентября 1923 г.). Вещь эта никогда не была перепечатана и не вошла в собрание сочинений Есенина.

Из этой статьи мы узнаем, что еще на трансатлантическом пароходе, пораженный его роскошью, Есенин «разлюбил нищую Россию». Но и Америка не заняла ее место в сердце Есенина. При виде статуи Свободы Есенин раздражается

смехом и восклицает: «Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» Он отмечает грандиозный размах Америки, и ему даже кажется, что «за этими зданиями (за стенами зданий Нью-Йорка?) происходит что-то великое и громадное». Но тут же безапелляционным тоном заявляет, что американцы «народ примитивный со стороны внутренней культуры». Их искусство «на самой низшей степени развития». У них нет ничего своего — «даже американский фокстрот не что иное, как разжиженный национальный танец негров». Причина ясна: «американец всецело погружается в business и остальное знать не желает... Сила железобетона, громада зданий стеснили мозг американца и сузили его зрение».

По мнению Есенина, американские евреи составляют исключение. Свои замечания о них он начинает издаюла. Он находит, что американский полисмен «одет под русского городского, только с другими кантами», и он объясняет этот курьез тем, что «мануфактурная промышленность сосредоточена главным образом в руках эмигрантов из России». Эти последние, видно «из тоски по родине», нарядили полицейских в формы, к которым они привыкли на родине. Юмор, надо сказать, совершенно чужд Есенину. «Нью-Йорк, — продолжает он, — немного с кровью Одессы и западных областей. Нью-Йорк на 30 проц. еврейский город... У них (евреев) есть свои поэты, свои прозаики, свои театры. От лица их литературы мы имеем несколько имен мировой величины. В поэзии сейчас на мировой рынок выдвигается с весьма крупным талантом Мани-Лейб». Следует указать, что Мани-Лейб «тщательно выдвигает молодых жаргонистов с довольно красивым талантом» и что его переводы познакомили американских евреев с русской поэзией «от Пушкина до наших дней». «Если, — с апломбом заключает Есенин, — в специфически американской среде — отсутствие всякого присутствия, то по крайней мере “здесь” (среди евреев) есть стержни и есть культура».